

Г.Е. Отепова

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕФОРМЫ ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В КАЗАХСТАНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В данной статье на основе анализа законодательных источников Российской империи рассматриваются вопросы внедрения и изменения административно-территориальной системы управления на территории Казахстана во второй половине XIX в.

Ключевые слова: законодательные источники, царское правительство, административно-территориальная система, генерал-губернаторства, история Казахстана.

G.E. Oteпова

ADMINISTRATIVE REFORMS OF THE TSARIST GOVERNMENT IN KAZAKHSTAN IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

In this article the introduction and changing of administrative-territorial management system in Kazakhstan in the second half of the XIX centuries on the basis of legislative sources of the Russian Empire are considered.

Key words: Legal sources, the tsarist government, administrative and territorial system, governor-generalships, history of Kazakhstan.

Завершение присоединения Казахстана, среднеазиатских земель к России, укрепление российских позиций на южных границах выдвинули задачи нового устройства этих территорий и их окончательного слияния с империей. Предполагалось установить общее управление для облегчения централизованного руководства Казахстаном. Это было сложной задачей, поэтому для ее осуществления был создан особый комитет, который рассмотрел и изучил все возможные варианты вносимых изменений в административно-территориальное устройство края. В состав комитета вошли К. Врангель, Имшеник-Кондратович, П. Солнцев, А. Орлов, Г. Ловицкий, К. Селевестрович, Н. Довеновский [1, с. 417]. Члены комитета, изучив возможности учреждения в Казахстане общего управления, пришли к убеждению, что исполнение этой меры потребует значительных расходов и представляет существенные неудобства в административном и военном отношениях. По инициативе военного министра и министра внутренних дел была организована в июне 1865 года специальная Киргизская степная комиссия, которая в течение двух лет подготовила проект нового положения. В разработке временных положений принимали участие и казахские представители, такие как Ч. Валиханов, М. Сейдалин, М. Чорманов. Итогом работы этой комиссии стало появление временных положений «Об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей» и «Об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях», которые внесли новые изменения в административно-территориальное управление Казахстаном. Приня-

тые как временные меры, они продолжали действовать на территории Казахстана почти 20 лет.

В 1867 г. согласно царскому указу «Об учреждении Туркестанского генерал-губернаторства», признавая необходимым «изменить гражданское и военное устройство пограничных с Китаем и среднеазиатскими ханствами земель, входящих в состав генерал-губернаторств Оренбургского и Западно-Сибирского», было образовано Туркестанское генерал-губернаторство. В состав нового генерал-губернаторства вошли две области: Сырдарьинская и Семиреченская. Соответственно данному указу был разработано положение «Об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областей». Данный документ состоит из 398 параграфов и 8 разделов: 1) устройство администрации; 2) устройство суда; 3) хозяйственные общественные управления в Сырдарьинской области; 4) подати, сборы и земские повинности; 5) устройство финансовой части в крае; 6) устройство почтовой части; 7) устройство медицинской части; 8) особые права и преимущества службы в Семиреченском и Сырдарьинском крае [2, с. 91–111]. Управление новой территорией возлагалось на генерал-губернатора, а управление областями – на военных губернаторов. Кроме того, генерал-губернатор являлся командующим войсками туркестанского военного округа. Генерал-губернатор непосредственно назначался и увольнялся по усмотрению самого императора. Из документа видно, что власть генерал-губернаторов на местах почти была неограниченной, он являлся полномочным хозяином на территории своего губернаторства. Ему подчинялся весь царский управ-

ленческий аппарат: канцелярия, военные губернаторы, областное правление и т. д. Общее областное управление осуществляли военный губернатор и областное правление. «Военный губернатор, по особому положению края, соединяет в себе военное и военно-народное управление во вверенной им областях. Военные губернаторы определяются и увольняются именными высочайшими указами и высочайшими приказами, по представлению военного министра» [2, с. 92]. Областное правление приравнивалось к губернскому правлению центральных районов империи. Областное правление возглавлял помощник военного губернатора, который назначался по представлению военного губернатора. Само областное правление состояло из трех отделений: распорядительного, хозяйственного и судного. В ст. 36 документа полностью определены основные вопросы, которыми ведало областное правление. Административная и полицейская власть в уезде сосредотачивалась в руках уездного начальника: «Управление в каждом уезде как по военно-народным делам, так и военной части, сосредотачивается в лице уездного начальника» [2, с. 94]. Основные обязанности уездных начальников определены в статьях 46–70. По отношению к кочевому населению уезды были поделены на волости, управляемые волостными управителями, а они в свою очередь на аулы, которыми управлял аульный старшина. «Разделение на волости и аулы производится, смотря по местным обстоятельствам, постепенно или одновременно по всей области и утверждается военным губернатором. В ауле полагается от 100 до 200 кибиток, а в волости – от 1000 до 2000 кибиток» [2, с. 96]. Основные правила местного управления расписаны в статьях 80–128. В Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях действовало три рода суда: военный суд, суд на основании общих законов империи и народный суд. Вопросы организации судопроизводства в данных областях определены в ст. 129–244.

Согласно данному положению кибиточный сбор для казахов Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей был увеличен до 2 руб. 75 коп. с кибитки. Кибитками считались и дом, и землянка, и ветхие постройки. Подсчет кибиток производился один раз в три года. Волостные и аульные старшины не освобождались от уплаты налога, но в награду за службу по решению всей общины они могли быть освобождены от кибиточного сбора с раскладкой причитающейся суммы на все общество. Для оседлого населения Сыр-Дарьинской области устанавливались харадж в размере 1/10 урожая и танапный сбор, размер которого определялся главным начальником края. Все содержание административного аппарата управления областей возлагалось на местное

население. В каждом уезде для приема и расходования сумм на управление были образованы уездные кассы. На военных губернаторов данных областей возлагалась обязанность за соблюдением почтовых сообщений. Для оказания медицинской помощи уездному и городскому населению назначались уездный врач и повивальная бабка, содержание которых определялось штатами.

В соответствии с указом «О преобразовании управления киргизами Оренбургского и Сибирского ведомств» [2, с. 129–131] было образовано 4 области: Уральская, Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская. Временное положение об управлении этими областями было утверждено 21 октября 1868 г. Основными целями этой реформы было: создание единой и более эффективной системы управления для всего Казахстана, увеличение налоговых сборов, для покрытия все возрастающих расходов административных чиновников и для содержания войсковых подразделений, распространение общероссийского законодательства на территории Казахстана, тем самым создание правовых основ для дальнейшей колонизации края.

Высочайше утвержденное временное положение «Об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» состоит из 268 параграфов 7 глав: 1 гл. «Административное устройство», 2 гл. «Устройство суда», 3 гл. «Подати, сборы и земские повинности», 4 гл. «О пользовании и владении», 5 гл. «О правах киргизов», 6 гл. «Об управлении духовными делами киргизов», 7 гл. «О школах в степи» [2, с. 131–145]. Главное управление областями (Уральскою и Тургайскою) принадлежало оренбургскому генерал-губернатору, а Акмолинскою и Семипалатинскою – генерал-губернатору Западной Сибири. В статьях с 1 по 19 документа определены границы каждой области и уездов. Управление каждой областью под непосредственным начальством генерал-губернатора разделялось на областное и уездное. Областное управление осуществлял военный губернатор, который одновременно являлся и командующим войсками в области, и областное правление. «Военные губернаторы в Уральской, Тургайской областях имеют права и обязанности губернаторов по общим учреждениям империи, а в Акмолинской и Семипалатинской – по сибирским учреждениям, с дополнением определенными настоящим положением» [2, с. 132]. Председателем областного правления был вице-губернатор. Управление уездом осуществлял уездный начальник, который назначался генерал-губернатором по представлению военного губернатора области. Кочевое население в каждом уезде делилось на волости, возглавляемые волостным управителем,

а волости на аулы, которые возглавлял аульный старшина. Эти должности были выборными, но в конечном итоге кандидатов на выборы должны были утвердить российские власти. «Волостные управители и аульные старшины избираются на три года. Волостные управители и кандидаты их утверждаются губернатором, аульные старшины и их кандидаты – уездным начальником» [2, с. 134]. Волостные управители должны были наблюдать за сохранением спокойствия и порядка в волости, за соблюдением законов, за исправной уплатой подати и повинностей и т. д. Аульный старшина выполнял все эти обязанности в ауле и полностью подчинялся волостному управителю.

Судебная власть была разделена между уездными судьями и областными правлениями, причем первые исполняли обязанности мировых судей и судебных следователей. В целом вопросам устройства суда посвящены ст. 92–167. Приговоры уездных судей считались окончательными, когда ими определялось внушение, замечание, выговор, арест не свыше 3 дней и денежное взыскание не свыше 100 рублей. Киргизы подлежали военному суду на основании общих законов за следующие преступления: измену, сопротивление властям, нападение на почты и казенный транспорт, повреждение телеграфов, убийство должностных лиц и лиц, изъявивших желание принять христианство. Дела об этих преступлениях рассматривались в военно-судных комиссиях. По общим имперским законам казахи судились за убийство, разбой, грабеж, барымту, нападение на купеческие караваны, побег в чужие владения, поджоги, фальшивомонетчество, похищение казенного имущества, нарушение уставов казенных правлений и преступление по должности местных киргизских властей. Областные правления пользовались правами и исполняли обязанности палаты уголовного и гражданского суда и съездов мировых судей. В областях были учреждены должности областных прокуроров. Организация народного суда была такой же, как в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях, за исключением того, что убийство и барымта были изъяты из ведения народного суда. Эти разногласия в судопроизводстве вносили беспорядок и недовольство. За убийство в пределах Сыр-Дарьинской области казахи подлежали народному суду и платили только кун, а за такое же преступление в Тургайской области казахи осуждались общеимперскими законами и подвергались каторжным работам или ссылке. «Такое различие могло казаться тем более не понятным, что точных границ между областями проложено не было и как те, так и другие киргизы принадлежали к одним родам, находились на одинаковой ступени гражданского развития» [3, с. 64].

Для казахов Оренбургского и Сибирского ведомств устанавливался кибиточный сбор по 3 руб. в год с кибитки. Данное положение отменяло билетный сбор, зато вводило паспортный сбор. «Киргизы, отправляющиеся на заработки, получают паспорта от волостных управителей без задержания, за исключением лиц неодобрительного поведения, которым отлучатся из кочевья не дозволяется» [2, с. 141]. Также в обязанность оседлого и кочевое население входило «содержание лиц местного управления... исправление арычных мостов, гатей, спусков и подъемов на почтовых трактах, выставка во время летней кочевки кибиток для больных, отвод кибиток и доставка топлива командируемым по делам службы в аулы чиновникам... Возложенная на киргиз повинность по исправлению почтовых трактов отбывается, по требованию местной полицейской власти, натурой или деньгами, по раскладке на общество» [2, с. 141].

Временное положение определило также вопросы пользования и владения землей в Казахстане. Из 268 статей вопросам земельных отношений посвящены статьи с 210 по 242 в главе «О пользовании и владении». В документе указано: «Земли, занимаемые киргизскими кочевьями, признаются государственными и предоставляются в общественное пользование киргизов. Признаются землевладельцами, на праве полной собственности, лица, коим высочайше были пожалованы земли, и лица, имеющие на владение землею узаконенные акты» [2, с. 141–142]. Леса в Казахстане также были объявлены в государственную собственность империи. Земли казахов были поделены на зимние и летние пастбища. Зимние пастбища распределялись особыми съездами с разрешения губернатора, а летние кочевки «предоставлялись в общественное пользование волости целого уезда и самое пользование ими определяется народными обычаями». Также поощрялось занятие земледелием: «По взаимному соглашению обществ, в местах, удобных как на зимовках, так и на летовках, отводятся особые участки для желающих заниматься хлебопашеством и сенокосением. Распределение участков между хлебопашцами представляется добровольному соглашению их между собой по обычаям» [2, с. 142].

Законодательное подтверждение и поощрение получило в этом документе переселение русских крестьян. В ст. 220 записано: «Киргизы, как в составе общества, так и отдельные лица, имеют право уступать свои участки, или часть оных, в пользование русских, по добровольному соглашению, которое должно быть засвидетельствовано в уездном управлении». В дальнейшем эта статья послужила поводом для дальнейшей экспропри-

ации казахских земель якобы на добровольных началах. Для переселенцев уже в этом законе предусмотрены льготы: «Всякий поселенец при уездном управлении получает безвозмездно место для постройки... Поселенцы получают бесплатно лес для построек... Каждый поселяющийся имеет право заниматься не только торговлею, ремеслами и промышленностью, но и земледелием, с отводом ему для сего участка из принадлежащих поселению земель. Поселенцам из русских предоставляются льготы, присвоенные лицам, причисленным к городам Сибирской степи» [2, с. 142]. Как писал депутат I Государственной думы Т.И. Седельников, сам выходец из уральских казаков: «Как бы там ни было, не может подлежать сомнению, что правительство сначала *de facto*, а потом и *de jure* являлось полным хозяином киргизских земель, представленных пожизненному пользованию кочевников по обычаю. А потому и спорить против этого теперь и поздно, и бесполезно» [4, с. 32].

Согласно этому документу население степных областей было изъято из ведения Оренбургского магометанского духовного собрания, из чего следует, что данный орган рассматривался уже не как средство управления, а как орудие сплочения мусульман и их определенного обособления. Высшее управление духовными делами в Казахстане теперь принадлежало областной администрации, а через нее министру внутренних дел [4, с. 143]. Местное управление духовными делами предоставлялось муллам. Муллы избирались «по общественным приговорам», причем только «из киргизов, русских подданных» и подлежали утверждению областной администрации. Количество духовных лиц ограничивалось: положение разрешало иметь одного муллу на волость, муллам запрещалась всякая отлучка с места жительства без специального разрешения уездного начальства. Кочевое и оседлое население имело право возводить культовые сооружения, но на это надо было получать разрешение генерал-губернатора. Содержаться мечети должны были на общественные средства, при них муллам с разрешением уездного начальства предоставлялось право вести преподавание. Глава VII данного положения «О школах в степи», состоящая из 7 параграфов, определяла устройство школ в киргизской степи. При каждом уездном управлении планировалось иметь общую школу, на устройство которой и содержание выделялась определенная сумма. Весь учебный процесс находился под постоянным присмотром официальных властей. Программа школ непосредственно утверждалась генерал-губернатором по соглашению с министром народного просвещения, а «наблюдение за преподаванием, как в школах, так и у частных лиц, вверяется уездному

и областному начальствам, а высший надзор подлежит на общем основании Министерству народного просвещения» [2, с. 144].

В результате проведения административно-территориальных реформ 1867–1868 гг. Казахстан был поделен между тремя генерал-губернаторствами: Оренбургское, Западно-Сибирское и Туркестанское. Каждое генерал-губернаторство состояло из двух областей, а всего их было шесть: Уральская, Тургайская, Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская и Сыр-Дарьинская. На этих территориях сложилась следующая основная система административного деления: генерал-губернаторство – область – уезды – волость – аул. Согласно новым реформам, Туркестанское генерал-губернаторство непосредственно подчинилось Военному министерству, Западно-Сибирское генерал-губернаторство было отнесено к ведению Министерства внутренних дел, а Оренбургское генерал-губернаторство находилось в подчинении Министерства иностранных дел. Это говорит о том, что высшее управление всей территорией края по-прежнему не было единым. «Вопросы, относящиеся к Казахстану, рассматривались в Сенате, Государственном совете, в министерствах иностранных и внутренних дел, государственных имуществ и военных дел, Сибирском комитете. Причем решение одного из этих учреждений часто оставалось неизвестным для других. Это и неудивительно, если учесть, что казахская степь была разделена в административном отношении между различными центральными управлениями и ни одно из них, можно сказать, не занималось вопросами всей политики в полном объеме. В текущей политике местные пограничные начальники имели значительную свободу», – писал академик С.З. Зиманов [5, с. 254].

Положения 1867–1868 гг. установили на территории Казахстана новое административно-территориальное деление, которое в корне меняло традиционную систему управления, усилили процесс разложения патриархально-родовых связей внутри казахского общества, создали юридические условия для дальнейшей эксплуатации края. Как образно высказался Т.И. Седельников: «Это положение было одним из решающих поворотных моментов: оно проводило резкую и определенную грань между прошлым степи и ее будущим» [4, с. 20].

Эти положения по управлению казахским краем вводились царским правительством как временная мера. Об этом сохранилась запись в документах: «Но, принимая во внимание, что в означенном проекте, обнимающем обширный круг предметов, содержатся весьма существенные отступления от действующий узаконений, равно

имея в виду, что в делах, подобных настоящему, один лишь опыт может служить безошибочным надежным руководителем, Комитет, согласно заключению соединенных департаментов Государственного совета, признал более осторожным, не утверждая ныне означенного проекта положения как закона постоянного, допустить применение оного в виде опыта...» [6, с. 320]. Однако эти реформы продолжали действовать на территории Казахстана почти 20 лет. Время и сама жизнь показали несоответствие как административной, так и судебной систем, введенных положениями на территории края, местной действительности. Они не учитывали особенностей традиционного уклада жизни казахского общества, разрушали его основы и, следовательно, встретили решительное сопротивление со стороны народа, которое вылилось в ряд национально-освободительных движений на территории Казахстана.

Соответственно поставленным целям царским правительством были проведены еще ряд крупных изменений в отношении административного управления областями Казахстана. Этот вывод подтверждают следующие законодательные документы: «О военном управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях»; «Об открытии в Акмолинской области пятого Сары-Суйского уезда по реке Сары-Су»; «О передаче управления Внутренней киргизской орды в ведомство астраханского начальства»; «Об упразднении Оренбургского генерал-губернаторства и о подчинении Уральской и Тургайской областей Министерству внутренних дел»; «Об изменениях военного управления в областях Акмолинской и Семипалатинской»; «О сосредоточении высшего надзора по управлению областями Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской в лице генерал-губернатора»; «О преобразовании в областном управлении Сыр-Дарьинской области» [7].

В результате принятия этих законодательных актов в 80-х годах XIX века произошли новые административно-территориальные изменения в управлении казахским краем. В 1881 г. соответственно царскому указ «Об упразднении Оренбургского генерал-губернаторства» ликвидируется Оренбургское генерал-губернаторство, а области Уральская и Тургайская непосредственно были подчинены Министерству внутренних дел [2, с. 269]. В 1882 г. соответственно царскому указу по предложению Военного министерства было упразднено Западно-сибирское генерал-губернаторство [1, с. 451]. Вместо него было образовано Степное генерал-губернаторство, в состав которого вошли Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская области. Границы между Степным генерал-губернаторством и Туркестанским краем

были определены указом от 15 марта 1886 г. «Об изменении границ между Туркестанским и Степным генерал-губернаторством» [8, с. 5]. В связи с этим появилась необходимость выработки нового положения об управлении этими областями.

Подготовительная работа по созданию проекта положения заняла длительное время – около десяти лет. В результате 12 июня 1886 г. было издано положение «Об управлении Туркестанского края», которое стало основным правовым актом, по которому жило население южного Казахстана до 1917 г. Положение состояло из 331 параграфа и 4 разделов: административное устройство, судебное устройство, поземельное устройство, подати и повинности [8, с. 11–31]. В состав Туркестанского края вошло три области: Сыр-Дарьинская, Ферганская и Самаркандская. В 1897 г. в состав Туркестанского генерал-губернаторства вошла и Семиреченская область. Власть генерал-губернатора, «определяемому и увольняемому по непосредственному усмотрению его императорского величества» была еще больше расширена. При генерал-губернаторе находились совет, чиновники особых поручений, переводчик и канцелярия. Статьи 18–23 определяли состав, права и обязанности совета. Во главе области стояли военные губернаторы и областное правление. Военные губернаторы назначались и увольнялись по представлению военного министра, основанному на предварительном соглашении с министром внутренних дел и генерал-губернатором Туркестанского края. Волостные управители, сельские старшины и их помощники назначаются по выбору населения на три года, однако военному губернатору предоставлялось право утвердить или не утвердить выборы.

Согласно данному положению вся судебная часть края переходила в ведение Министерства юстиции. В областях были учреждены областные суды, а в уездах мировые судьи и их помощники. Областные суды рассматривали и решали тяжбы и иски на сумму свыше 2 тыс. руб. Все остальные дела подлежали разбору мировых судей в уездах. Мировые судьи рассматривали иски по личным обязательствам и договорам, а также об имуществе на сумму не свыше 2 тыс. руб. Также мировой судья имел право рассматривать дела по желанию истца, подведомственные народному суду. При областных судах находились судебные следователи и областной прокурор. Однако, несмотря на попытку отделить судебные функции от административной, высшая власть по-прежнему сосредотачивалась в руках генерал-губернатора. «Главное управление Туркестанского края вверяется генерал-губернатору, определяемому и увольняемому по непосредственному усмотрению его импера-

торского величества». Кроме того, генерал-губернатору предоставлялось право высылать «вредных, по политической неблагонадежности, туземцев в назначенные по соглашению с министром внутренних дел местности на срок не свыше пяти лет» [8, с. 11]. В исключительных случаях генерал-губернатор имел право предавать виновных военному суду.

По новому положению усиливалась ответственность казахского населения по общим законам. В статье 141 документа записано: «Лица, принадлежащие к туземному населению, привлекаются к ответственности на общем основании за нижеследующие преступления: 1) против веры христианской; 2) государственные; 3) против порядка управления; 4) по службе государственной и общественной; 5) против постановлений о повинностях государственных и земских; 6) против имущества и доходов казны; 7) против общественного благоустройства и благочиния: а) нарушение Устава карантинного, б) нарушения постановлений против повальных и прилипчивых болезней и в) нарушения правил, установленных на случай скотских падежей; 8) против общественного спокойствия и порядка: а) составление злонамеренных шаек и пристанодержательство, б) лживые доносы и лжесвидетельство по делам, судимым по общим законам империи, в) укрывательство беглых, г) порча телеграфов и дорог; 9) против законов о состояниях; 10) против жизни, здоровья, свободы и чести: а) убийство, б) нанесение ран и побоев, последствием коих была смерть, в) изнасилование, г) противозаконное задержание и заключение; 11) против собственности: а) насильственное завладение чужим недвижимым имуществом и истребление граничных меж и знаков, б) поджог и вообще умышленное истребление чужого имущества, в) разбой и грабеж, г) похищение казенного имущества и подлоги русских документов» [8, с. 19–20]. Кроме того, общему суду подлежали все дела, совершаемые казахами в отношении русских и в пределах русских селений. В целом мы видим, что имперскому суду подлежали дела, направленные против колониального режима, его официальных представителей, против политики христианизации.

Положение 1886 г. способствовало дальнейшему законодательному закреплению Казахстана в составе Российской империи. Данный документ еще раз подтвердил факт того, что земля казахов находилась в собственности Российского государства: «За оседлым сельским населением утверждаются земли, состоящие в постоянном, потомственном его владении, пользовании и распоряжении, на установленных местным обычаем основаниях, с соблюдением ниже следующих пра-

вил. Воды в главных арыках, ручьях, реках, озерах предоставляются населению в пользование, по обычаю. Дикорастущие леса на землях, находящихся во владении туземного населения, а также свободные земли, признаются государственной собственностью... Государственные земли, занимаемые кочевьями, предоставляются в бессрочное пользование кочевников, на основании обычаев и правил настоящего Положения» [8, с. 27].

По данному законодательному документу увеличивался размер различных налогов и повинностей. Размер кибиточного сбора увеличился до 4 руб. «Обложению налогами подвергались не только кибитки, но и землянки и другого рода жилища, т. е. и те лачуги из камыша, в которых жили байские батраки. Подать взималась со всего населения одинаково. Крупный бай, середняк, бедняк – все платили в одинаковом размере, т. е. с каждой кибитки. «Кибиточный сбор, налагавший одинаковую сумму, следующую к уплате, и со стороны ничего не имеющих казахов, и со стороны тех, которые владею многими тысячами голов скота – сам по себе уже несправедлив» [8, с. 383]. В случае неуплаты кибиточного налога применялись репрессивные меры: «Волостной управитель, с разрешения уездного начальника, даваемого по приглашению с податным инспектором, приступает в присутствии аульного старшины и волостных выборных аула, к продаже имущества недоимщика, за исключением кибитки и то части скота, которая составляет крайнюю необходимость в его хозяйстве. В случае недостатка имущества неисправного юртовладельца, недоимка оплачивается остальными юртовладельцами, по раскладке аульного схода, а при неисправности аула – остальными аулами волости, при раскладке схода волостных выборных» [8, с. 30]. Таким образом, кибиточный сбор осуществлялся в любом случае без исключения и собирался со всех членов аула.

Все оседлое население казахского края облагалось по новому положению поземельным налогом. Хараджный и танапный сборы с оседлого населения отменялись. «Земли, как населенные, так и ненаселенные, принадлежащие частным лицам, обществам и установлениям или состоящие только в постоянном их владении, пользовании и распоряжении, облагаются в доход казны государственным поземельным налогом» [2, с. 30]. Размер поземельного налога определялся казенною палатою сроком на шесть лет и вносился в казначейство по формам окладных листов. Формы окладных листов, податных книг, различных квитанций и т. д. составлялись казенною палатою и утверждались лично генерал-губернатором.

Земские повинности, количество которых неимоверно возросло, также были законодатель-

но оформлены и подтверждены. «Натуральной земскою повинностью отбываются следующие потребности: 1) содержание в исправности искусственного орошения; 2) содержание указательных знаков по дорогам, подверженным снежным заносам, и в снабжении, в чрезвычайных случаях, проходящих войск юртами и топливом, вознаграждением за сие по утвержденным генерал-губернатором ценам» [8, с. 30]. Теперь земские повинности выполнялись и в денежной форме, которые делились в свою очередь на областные и общественные. Статья 317 положения определяет содержание земских повинностей: «На счет денежных областных земских повинностей удовлетворяются следующие потребности: 1) меры обеспечения народного продовольствия; 2) меры к развитию местной торговли, промышленности, скотоводства и к улучшению культуры хлопка и шелководства; 3) расходы по народному здравью и оспопрививанию; 4) расходы по предупреждению падежей скота, по охранению хлебных посевов и других растений от истребления вредными насекомыми и животными; 5) участие в расходах по устройству и содержанию учебных заведений, учреждаемых правительством; 6) постепенное устройство постоянных помещений для квартирующих в области войск; 7) производство таких, не относящихся к государственным сооружениям, гидротехнических работ, которые по значительности размеров, не могут быть выполнены средствами отдельных обществ; 8) содержание должностных лиц по введению поземельного и податного устройства в крае; 9) воспособление обществам переселенцев для устройства искусственного орошения, школ и церквей; 10) отопление, освещение и содержание в исправности казенных помещений, занимаемых генерал-губернаторами и военными губернаторами; 11) пенсии двадцати семи семействам туземцев, производящиеся на основании высочайшего повеления 9 августа 1882 г.» [8, с. 30–31]. Из данного пункта положения видно, что все содержание управления края, его социально-экономическое развитие полностью осуществлялось за счет различных сборов, налогов и повинностей с местного населения.

Несмотря на то, что официальные власти пытались установить хоть какие-то льготы для кочевого населения, местная администрация вносила свои коррективы в сбор налогов. Многие повинности и денежные сборы являлись различного рода дополнениями к законам, которые устанавливала местная администрация. Их собирали по необходимости в любое время года. Казахи, кроме того, выполняли много различных повинностей: содержание в хорошем состоянии почтовых дорог и дорог вблизи военных укреплений, стро-

ительство мостов через оросительные системы, исправление плотин, чистка магистральных арыков и выполнение других многочисленных общественных работ.

В конце XIX века в жизни казахского общества произошли существенные социально-экономические изменения: распространение товарно-денежных отношений, развитие добывающей промышленности, строительство железных дорог, дальнейшее расслоение общества и появление новых социальных групп. Постепенно Казахстан вовлекался в общероссийский экономический рынок, со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами: он становился рынком сбыта и источником сырья для развивающейся капиталистической промышленности России.

В связи с наметившимися территориальными изменениями в 80-х годах XIX века генерал-лейтенант Г.А. Колпаковский обратился с законодательной инициативой о пересмотре положения по управлению казахским краем. В марте 1883 г. он издал приказ по Степному генерал-губернаторству за № 24, в котором было сказано: «Признавая настоятельно необходимым, приступить к пересмотру действующих во вверенном мне генерал-губернаторстве двух проектов положения об управлении в степных областях – отдельного для Семиреченской области и отдельного для Семипалатинской и Акмолинской областей – и к составлению одного общего объединительного положения для всех трех областей, я учреждаю для сего особую комиссию под председательством вице-губернатора Акмолинской области, действительного статского советника Курбановского, из членов от областей...» [9, л. 1, об. 1]. Созданной комиссии предлагалось немедленно приступить к выполнению возлагаемой на нее задачи. Для составления проекта комиссии предоставлялось право входить в непосредственные отношения с губернаторами, областными правлениями и другими государственными учреждениями, которые в свою очередь должны безотлагательно исполнять все требования комиссии и доставлять все необходимые сведения. На имя председателя комиссии по составлению объединительного проекта со всех областей поступали отчеты и рапорты губернаторов с предложениями о внесении тех или иных изменений и поправок. Например, в Республканском архиве сохранилось письмо военного губернатора Семиреченской области, в котором он пишет: «По приказанию главного начальника края, канцелярия имеет честь препроводить при сем к вашему превосходительству рапорты военного губернатора Семиреченской области от 5, 10, 15 декабря минувшего года и 14, 26 и 28 января сего года за № 19584, 19918, 20316, 915, 1816,

2010, с приложенными при них записками об управлении Семиреченской областью [10, л. 157].

При составлении проекта положения комиссия руководствовалась общими узаконениями, которые действовали на территории Российской империи. Этот факт свидетельствует о том, что в целом новый закон должен был соответствовать общей имперской задаче – полностью подчинить Казахстан российской системе управления и судопроизводства. В Центральном государственном архиве Республики Казахстан хранятся документы, которые отражают процесс выработки законодательного документа в отношении Степного края. Например, «Дело об учреждении комиссии для пересмотра проектов положения об управлении в областях Степного края» на 190 листах [11]; «Протоколы заседаний комиссии по составлению объединенного проекта положения об управлении в областях Степного генерал-губернаторства» на 81 листе [12]; «Записка об изменении проекта положения об управлении в Степных областях» на 40 листах [13].

В результате подготовительной работы комиссия составила несколько проектов по устройству различных отраслей управления Степным краем. В связи с этим Г.А. Колпаковский обращается к председателю комиссии со следующим предложением: «Ознакомившись с представленными вашим превосходительством в разное время проектами по устройству различных отраслей управления Степным краем, выработанными состоящими под вашим председательством комиссиями, я нахожу, что для выполнения правильного суждения и оценки их целесообразности и удобоприменяемости, необходимо рассмотреть их в общей совокупности и одновременно все. А потому предлагаю вашему превосходительству приостановиться дальнейшей высылкою проектов, касающихся только отдельных частей управления Степным краем и представить их на мое рассмотрение тогда уже, когда будут закончены проекты по всем частям управления краем, – испросив на это предварительное мое разрешение по телеграфу» [10, л. 13, об. 13.].

Еще почти три года продлилась работа над выработкой окончательного проекта положения и только в мае 1890 г. министр внутренних дел представил окончательный проект вместе с заключениями «заинтересованных ведомств» на рассмотрение Государственного совета Российской империи. Проект положения об управлении Степного генерал-губернаторства рассматривался в Государственном совете почти год и только 25 марта 1891 г. император утвердил мнение Государственного совета «Об устройстве в Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской,

Уральской и Тургайской областях». В царском указе записано: «Государственный совет в соединенных департаментах законов, государственной экономии, гражданских и духовных дел и в общем собрании, рассмотрев представление министра внутренних дел по делу об устройстве управления и судебной части в Степных областях, мнением положил: 1. Проекты: а) Положения об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской, штата управления сих областей, б) штата канцелярии Степного генерал-губернаторства и г) дополнительного штата оренбургской палаты уголовного и гражданского суда и прокурорского надзора Оренбургской губернии – поднести к высочайшему его императорского величества утверждению и, впоследствии оно, привести в действие с января 1892 г.» [8, с. 82].

Таким образом, в марте 1891 г. было принято положение «Об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями», более известное в истории как Степное положение. Однако вследствие финансовых затруднений, вызванных неурожаем 1891 г., новое положение было введено в действие только 1 октября 1893 г. Всего на осуществление реформы в Степных областях было выделено 857098 рублей 23 копейки [6, с. 383]. Этот документ состоит из 168 параграфов, введения и 4 разделов [8, с. 82–95]. В первом разделе «Административное устройство» определены основные вопросы управления этими областями, права и обязанности генерал-губернатора, рассмотрены местные административные установления: областные, уездные, городские, управление оседлым населением, духовными делами инородцев. Главное управление этими областями передавалось степному генерал-губернатору, который непосредственно назначался и увольнялся самим императором. Ст. 17 предоставляла генерал-губернатору право «высылать вредных по политической неблагонадежности инородцев, в назначенные по соглашению с министром внутренних дел, местности империи на срок не свыше пяти лет» [8, с. 85]. Этим самым усиливалась единоличная власть генерал-губернатора в этом районе как административного представителя царской монархии. Областное управление образуют: военный губернатор и областное правление. В областях Семиреченской и Уральской военные губернаторы являются также наказными атаманами казачьих войск. При военном губернаторе находились чиновники особых поручений. Уезды находились в ведении уездных начальников, административные функции которых также были значительно расширены. Кочевое население в каждом уезде разделя-

ется на волости, а волости на аулы. Сохранилась выборная система волостных и аульных начальников. За усердную службу должностные лица из инородцев награждались почетными халатами и денежными премиями. Второй раздел «Судебное устройство» посвящен вопросам судопроизводства. Судебная часть в этих областях была организована на основе правил о судебном устройстве в Туркестанском крае. Областные и мировые судьи также назначались министерством юстиции по согласованию со степным генерал-губернатором. В связи с этим «Семиреченские областные ведомости» писали: «Событие это, имеющее большое значение для всех названных областей, особенно важно для нашей области, стоявшей в последнее время, по характеру существовавшего порядка управления, особняком от своих северных и западных соседок. Новый закон приравнивает Семиречье, в порядке управления к другим областям наших Среднеазиатских владений. Учрежден отдельный гражданский суд, во многом изменен порядок судопроизводства и сделаны возможные дополнения к существовавшему порядку административного управления» [14].

Степное положение 1891 г. подвело общую черту под законодательство о землепользовании на всей территории Казахстана. В принципе этот документ повторял и закреплял все положения о земле, изложенные ранее. Третий раздел этого документа так и называется «Поземельное устройство», состоящий из 17 статей, определил основы земельного устройства на территории Казахстана. Все земли признавались окончательно собственностью Российского государства: «Земли, занимаемые кочевьями и все принадлежности сих земель, а в том числе и леса (Законы Гражданские ст. 387), признаются государственной собственностью. Земли, занимаемые кочевьями, оставляются в бессрочном общественном пользовании кочевников, на основании обычаев и правил сего положения» [8, с. 91]. В примечании к ст. 120 было сказано, что «земли, могущие оказаться излишними для кочевников, поступают в ведение министерства государственных имуществ». Этим примечанием сказано, что землей может распоряжаться только правительство и в нем заключается вся суть дальнейшей земельной колонизации царского правительства. Как пишет Т.И. Седелников: «Многие будут удивлены, что все землеотводное дело, вся колонизация степи не имеет в своей основе никакого другого настоящего, формального закона, кроме ст. 120 Степного положения, которое, как мы могли убедиться требует совершенно противоположной постановки дела, а именно, межевание и поземельное устройство степи до колонизации, но никак не после нее. Еще более

странно то, что во всем сборнике нет ни одного узаконения, которое бы было посвящено принципиальному разъяснению вопроса о том, на каких основаниях должна определяться и идти в изъяснение киргизские излишние земли...» [4, с. 62]. По этому документу кочевникам и различным обществам разрешалось сдавать в наем русским на добровольных началах земли, также выделять земли для хлебопашества и сенокосения, для разработки горных и других промыслов.

Четвертый раздел «Подати и повинности» рассматривает, какие подати должно платить кочевое и оседлое население, определены земские повинности. Все затраты, связанные с управлением областей, восполнялись за счет кибиточного налога (его размер остался прежним 4 руб. с кибитки), поземельным налогом с оседлого населения и земскими повинностями в виде натуральных и денежных. «Для удовлетворения потребностей, подлежащих исполнению посредством областных денежных земских повинностей, облагаются: 1) кочевое население; 2) земли, отведенные в надел сельских обществ, как инородческих, так и русских; 3) недвижимые имущества в городах; 4) фабричные и заводские помещения; 5) торговые и промысловые свидетельства, патенты и билеты на содержание торговых и промышленных заведений» [8, с. 94]. Размер обложения налога предполагалось определять ежегодно, совместно с земскими сметами. Это давало возможность дальнейшего увеличения налогообложения.

О неимоверно тяжелом положении казахского населения, опутанного сетью различных сборов и повинностей, писал сенатор А.К. Гейнс во время своей поездки по казахской степи: «Киргизы обязаны: содержать членов местной администрации, доставлять чиновникам, следующим не по почтовым трактам, средства на проезд, исправлять почтовые и кочевые пути, выставлять кибитки для больных и командированных в степь чиновников и доставлять последним топливо. Эти повинности отбываются натурой или деньгами. Денежными сборами отбываются также все расходы, устанавливаемые самими киргизами на удовлетворение разных общественных потребностей... Как тяжело отзывалась на киргизской жизни неправильность сбора чегына (шыгына, т. е. убытка) и как велики были при этом злоупотребления киргизских властей» [1, с. 383]. Налоговые сборы и повинности приносили казне огромные прибыли. Так, в брошюре «Убыточен ли Туркестан России?» приводятся следующие цифры получения прибыли российской казной за период 1868–1896 гг.: «Не имея под руками соответственных цифровых данных, определить сумму этого дохода конечно не возможно, но,

принимая в соображение количество населения этих областей и размер кибиточной подати как главного дохода казны и допуская, что ничтожные расходы по управлению этими областями покрываются другими доходами – можно принять, что они за 28 лет дали едва ли не меньше 28 000 000 руб. Таким образом, прямой, непосредственный, доход казны за 28-летний «дефицитный» период, полученный с Туркестана и присоединенный вместе с ним областей – исчисляться в $42+28=60$ мил. руб.» [15, с. 126]. Налогообложению подлежали не только земли, кибитки, но и все недвижимое имущество, фабричные и заводские помещения, торговля, различные промыслы и т. д.

В Степном крае по положению 1891 года высшее управление духовными делами принадлежало областной администрации, а местное – муллам, избранным (у казахов) не приходскими обществами, а волостными съездами владельцев кибиток и утвержденными губернаторами. Деятельность духовных лиц регламентирована лишь в самых общих чертах: в положении этому вопросу было посвящено всего 4 статьи (ст. 97–100). Степное положение ограничивало число официальных духовных лиц. Оно разрешало избрание мулл только из «кочевой» среды и только по одному на волость. «Возведение мечетей разрешается в областях Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской степным генерал-губернатором. А в областях Уральской и Тургайской – министром внутренних дел. Мечети и школы содержатся на счет общества, но последним воспрещается принуждать к участию в сборах на этот предмет лиц, не изъявивших на то согласия. Вакуфы не допускаются» [8, с. 90]. Муллы согласно Степному положению являлись только верослужителями, их род деятельности не был наследственным. Поскольку власти стояли на позициях невмешательства во внутренние дела мусульманской общины, обязанности и преимущества служителей мусульманского культа не были определены. Кроме того, муллы были отстранены от рассмотрения брачных и семейных дел, которые решались на основании адата. Закон предусматривал существование официальных духовных лиц, но их число было ограничено, и они официально к духовному сословию не причислялись. Юридически они по-прежнему оставались в том сословии, к которому причислялись до избрания на должность, тогда как духовенство Оренбургского, Таврического и Закавказского округов признавалось как сословие. Статус муллы не освобождал его от обязанности платить подати и повинности наравне с остальными казаками.

Таким образом, Степное положение в корне изменило ситуацию на территории Казахста-

на, которое юридически закрепило изменения политического, социально-экономического и правового положения казахского общества. Положение 1891 г. упорядочивало систему управления Степными областями, отменяло временный характер предыдущих реформ 1867–1868 годов, значительно расширяло функции администрации, содержало серьезные дополнения и уточнения судебного устройства, внесло изменения в налоговую политику. В связи с этим П. Румянцев писал: «Датой введения «Степного положения» мы заканчиваем изложение истории киргизского народа, ибо далее уже нет истории киргизского народа, а есть история жизни сельских обывателей инородцев Степных, Сибирских и Среднеазиатских областей» [16, с. 87].

Принятое Степное положение сразу же вызвало массу нареканий и замечаний. Даже то, что в 1898 г. были приняты временные правила «О применении судебных уставов к Туркестанскому краю и Степным областям», не изменило суть дела и проблема пересмотра положения 1891 г. не была снята с повестки дня. В 1899 году из состава Степного генерал-губернаторства была выведена Семиреченская область, которая была присоединена к Туркестанскому краю. Это также способствовало тому, что необходимо было внести изменения в действующее положение.

В октябре 1894 г. барон Таубе писал военному губернатору Акмолинской области по поводу положения 1891 г.: «Хотя положение это введено в край 1 октября т.г., но годичный опыт дал уже указания на недосмотры, допущенные при его составлении и на несоответствие некоторых правил и штатов современным условиям жизни Степного края. Кроме тех фактических указаний, которые, несомненно, имеются в делах областного и уездного управлений вверенной вашему превосходительству области, правильность означенного заключения подтверждается тем обстоятельством, что означенное положение составлялось тому около десяти лет. Эти последние десять лет дали сильный толчок жизни края. Не подлежит сомнению, что с постройкой великой Сибирской дороги недостатки Степного положения еще резче будут отзываться на делах управления. Признав, вследствие сего, целесообразным ныне подвергнуть тщательному пересмотру все положение, не исключая и законоположения о судебной части, я имею честь, покорнейше просить ваше превосходительство, составить для сей цели нынешнюю зиму под вашим председательством особую комиссию с приглашением в таковую г. председателя областного суда, областного прокурора, вице-губернатора, советников областного правления и других по вашему усмотрению, а также всех

уездных начальников. Выработанные проекты и объяснительные к ним записки представить мне. При этом препровождаю составленные г. председателем Акмолинского областного суда статским советником Ковалевским проект и объяснительную записку о необходимых заменах и дополнениях некоторых статей Степного положения, касающихся судоустройства и судопроизводства» [13, л. 4, об. 4]. Из данного документа видно, что проект нового положения по управлению Степными областями был подготовлен еще в 1894 г. Официально генерал-губернатор Степного края поднял вопрос о пересмотре положения 1891 г. перед Министерством внутренних дел в 1899 г. Была организована работа по пересмотру этого положения, в которой принимала участие практически вся администрация Степных областей. На основе собранных предложений и замечаний, поступивших от всех заинтересованных ведомств, был выработан проект нового положения. В течение года был подготовлен новый проект реформы по управлению областями Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской. В архиве сохранилось письмо министра внутренних дел степному генерал-губернатору: «Одновременно с сим, согласно высочайшим повелениям и резолюциям, последовавшим по поводу отдельных вопросов, возбужденных во всеподданнейших отчетах вашего высокопревосходительства и военных губернаторов Степных областей, а также в комитете Сибирской железной дороги, министерством подвергнут разработке обширный материал, касающийся административного переустройства Степных областей, реорганизации общественного управления, народного суда, землеустройства кочевников, переходящих к оседлости и податной системы. Результатом означенных работ, обнимающих все отрасли административной и экономической жизни Степных областей, явилась необходимость пересмотра Степного положения, с целью согласования его с современными бытовыми и экономическими условиями края, быстро изменившимися за последние годы, благодаря проведению Сибирской железной дороги и развитию в киргизских степях русской колонизации. Вследствие, сего препровождая к вашему высокопревос-

ходительству: 1) проект положения об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской и Уральской со включением Внутренней киргизской орды; 2) объяснения к этому проекту; 3) записку о введении крестьянских установлений в Степных областях; 4) записку о преобразовании киргизского народного суда; 5) записку по вопросу о содействии кочевникам-киргизам к переходу в оседлое состояние... Губернаторам степных областей подвергнуть указанные выше проекты и записки обсуждению с тем, чтобы заключения их по настоящему делу были доставлены в министерство не позднее 1 ноября текущего года» [13, л. 96–98]. Составленный комиссией законопроект с объяснительной запиской был отпечатан и отправлен для отзыва в соответствующие организации и области. Данный законопроект был одним из последних проектов по реорганизации управления Казахстаном, выработанных в конце XIX – начале XX века. Однако этот законопроект не был претворен в жизнь, так как он не прошел последней стадии издания закона – его утверждения императором и поэтому он не приобрел силу закона и не был претворен в жизнь.

Таким образом, на примере законодательных реформ царского правительства видно, что вопрос внедрения и изменения административно-территориального устройства Казахстана был очень сложным и длительным, так как сам процесс присоединения Казахстана к России был длительным и неоднозначным. Стремление быстрее закрепиться на новых землях и внедрить свое управление на завоеванных территориях, незнание и нежелание учитывать местные особенности, обширность казахских земель, отчаянное сопротивление проводимым реформам со стороны казахского народа – все это способствовало принятию многочисленных законодательных актов, которые дополняли, отменяли предыдущие законы, которые иногда даже противоречили друг другу. В целом законодательство Российской империи данного периода было направлено на укрепление и расширение позиций царского самодержавия, способствовало юридическому обоснованию российской системы управления на территории Казахстана.

Библиографический список

1. История Казахстана с древнейших времен до наших дней : в 5 т. — Алматы : Атамұра, 2000. — Т. 3. — 766 с.
2. Законодательные акты Российской империи по истории Казахстана (XIX в.) : сборник документов / под ред. Г. Е. Отеповой. — Павлодар : ПГПИ, 2015. — Ч. 2. — 300 с.
3. Ирмуханов, Б. Б. История Казахстана: опыт теоретико-методологического исследования / Б. Б. Ирмуханов. — Алматы : Наш мир, 2004. — 448 с.
4. Седельников, Т. И. Борьба за землю в киргизской степи (киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства) / Т. И. Седельников. — Санкт-Петербург : Электротпечатное товарищество «Дело», 1907. — 124 с.

5. Зиманов, С. З. Политический строй Казахстана конца XVIII – первой половины XIX в. / С. З. Зиманов. – Алма-Ата : АН КазССР, 1960. – 296 с.
6. Материалы по истории политического строя Казахстана (со времен присоединения Казахстана к России до ВОСР). – Алма-Ата : АН КазССР, 1960. – Т. 1. – 441 с.
7. Отепова, Г. Е. Хронологический указатель законодательных актов Российской империи по истории Казахстана XVIII – начала XX в. : учебно-справочное пособие. – Павлодар : ПГПИ, 2012. – 161 с.
8. Законодательные акты Российской империи по истории Казахстана (XIX в.) : сборник документов / под ред. Г. Е. Отеповой. – Павлодар : ПГПИ, 2015. – Ч. 3. – 284 с.
9. Копия приказа по Степному генерал-губернаторству об учреждении комиссии для пересмотра проектов положения об управлении в Степных областях // Центральный Государственный архив Республики Казахстан. – Ф. 64. – Оп.1. – Д.112.
10. Проекты об устройстве управления Семиреченской области в составе Степного генерал-губернаторства // Центральный Государственный архив Республики Казахстан. – Ф. 64. – Оп. 1. – Д. 115.
11. Дело об учреждении комиссии для пересмотра проектов положения об управлении в областях Степного края // Центральный Государственный архив Республики Казахстан. – Ф. 64. – Оп. 1. – Д. 151.
12. Протоколы заседаний комиссии по составлению объединенного проекта положения об управлении в областях Степного генерал-губернаторства // Центральный Государственный архив Республики Казахстан. – Ф. 64. – Оп. 1. – Д. 119.
13. Проекты положения об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской // Центральный Государственный архив Республики Казахстан. – Ф. 64. – Оп. 1. – Д. 647.
14. Семиреченские областные ведомости. – 1894. – № 4. – 22 января.
15. Жакыпбек, С. К. История Казахстана (XVIII – начала XX в.) : сборник документов и материалов / С. К. Жакыпбек и др. – Алматы : Қазақ университеті, 2001. – 314 с.
16. Румянцев, П. П. Социальное строение казахского народа в прошлом и настоящем / П. П. Румянцев // Вопросы колонизации. – 1909. – № 5. – С. 79–137.